

"PROVERBIORUM POLONICORUM" (1618) С. РЫСИНЬСКОГО И ОСНОВНОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ФОНДА RSS/OSSF (GRANT NO.: 148-2000).

В собрании белорусских пословиц Михала Федеровского, составляющем один из томов (Т. IV. Warszawa, 1935) его обширного труда "*Lud białoruski na Rusi Litewskiej: (Materjały do etnografji słowianskiej, zgromadzone w latach 1877-1905)*", насчитывается около 300 единиц, полностью или почти полностью соответствующих пословицам, записанным на территории Беларуси еще в конце XVI – начале XVII веков одним из выдающихся просветителей того времени Соломоном Рысинским (Solomo Pantherus Leucorussus), который является автором первого в славянском мире печатного сборника народных пословиц "*Proverbiorum polonicorum*", изданного в 1618 году на польском языке с латинскими комментариями (так называемого "Любченского сборника" по месту его издания – г. Любча).

Всего С. Рысинским, как известно, было собрано более 1800 белорусских пословиц, около 500 из которых, по материалам паремиологических собраний И. Носовича (1874), П. Шейна (1993) и прежде всего М. Федеровского, сохранились в употреблении до конца XIX – начала XX веков, а многие из них, по данным сборника Ф. Янковского "*Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалагізмы*" ([1957] 1992), зафиксированы и в современной белорусской речи. Таким образом, С. Рысинскому еще три столетия назад удалось наметить состав "основного паремиологического фонда" белорусского языка.

Категориальным признаком единиц "основного паремиологического фонда" следует считать их достаточно продолжительное функционирование в истории языка, поэтому одним из основных критериев включения той или иной паремии в состав "основного паремиологического фонда" будет являться ее фиксация как в наиболее ранних собраниях пословиц, так и в современных паремиологических справочниках.

Более-менее точное количество пословиц из собрания С. Рысинского, дошедших до наших дней, пока не выяснено. Сборник Ф. Янковского в этом смысле недостаточно репрезентативен как по количеству, так и по принципам отбора единиц, а двухтомное академическое издание "*Прыказкі і прымаўкі*" (1976) носит преимущественно компилятивный характер и, будучи создано в советскую эпоху, как и сборник Ф. Янковского, отличается тенденциозностью отбора единиц. Поэтому основным источником фактического материала в определении точного объема и состава основного паремиологического фонда современного белорусского языка следует считать собрание М. Федеровского, которое несмотря на довольно большой промежуток времени, прошедший с момента его создания, продолжает сохранять значительную актуальность не только по обширности, но и по качеству представленного в нем языкового материала. В частности, большинство паремий в сборнике Ф. Янковского, аналогичных пословицам из "*Lud białoruski na Rusi Litewskiej*", записаны им именно в тех местах, где их на полвека раньше услышал М. Федеровский. Данные других авторитетных сборников пословиц по-

зволюют лишь в той или иной степени уточнить состав основного паремиологического фонда белорусского языка (определение его точного объема является одной из актуальных проблем белорусской паремиологии).

Еще одним критерием отнесения той или иной пословицы к составу основного паремиологического фонда является неизменность плана содержания данной паремии на всем протяжении ее существования в языке. При этом лексическое и/или грамматическое построение пословицы может изменяться, но лишь несущественно, не достигая того предела, когда нарушается соотношение ее плана выражения и плана содержания (как в синхронии, так и в диахронии). В этой связи весьма показателен факт совпадения в Любченском сборнике и собрании М.Федеровского около 300 пословиц, являющихся именно тем языковым материалом, от которого прежде всего следует отталкиваться в определении состава основного паремиологического фонда современного белорусского языка (а следовательно, и тех тенденций, которыми характеризуются исторические изменения его единиц).

Анализ структурных изменений внешней формы единиц основного паремиологического фонда белорусского языка представляет значительный интерес с точки зрения изучения причин и характера исторических изменений языковой афористики, структурных особенностей функционирования пословиц в речи, критериев их целостности как знаковых единиц языка. Паремиологический материал Любченского сборника в этом отношении (особенно с точки зрения истории белорусского языка) до сих пор остается неизученным, отдельные текстологические сопоставления можно найти только в монографии Я.Порецкого "Соломон Рысинский" (Мн., 1983).

Структурные различия пословиц, совпадающих в Любченском сборнике и тезаурусе М.Федеровского, рассматриваются здесь как результат ряда типовых преобразований плана выражения соответствующих единиц, имевших место в тот или иной исторический период их функционирования. При этом предполагается, что сам механизм изменения структуры той или иной пословицы без каких-либо существенных трансформаций ее смысла является семиологически релевантным, так как в его основе лежит система преобразований, которой обусловлены узувальные трансформы (или варианты) пословиц, составляющие их "структурную парадигму".

Открытым остается вопрос о самой реальности данного изменения в истории той или иной пословицы, если оно не подтверждается наличием соответствующих исторических изменений на других уровнях языка (единицы которых представлены в текстах паремий), поскольку зафиксированная в старинном сборнике пословица может на самом деле быть только одной из возможных ее же парадигматических трансформ. В этом случае достаточным эмпирическим основанием для утверждения о существовании того или иного исторического изменения структуры данной паремии может быть только отсутствие соответствующей трансформы старинной пословицы в составе всех ее вариантов в современном белорусском языке. Так или иначе, эти оговорки никак не влияют на репрезентативность самого трансформационного подхода (который достаточно широко и успешно применяется при изучении структуры пословиц как единиц языка vs. речи).

В качестве основных трансформаций плана выражения языкового знака следует рассматривать субституцию (подстановки и вставки), инверсию, элиминацию, "приращение" (добавление некоторой части) и парцелляцию. С учетом данной типологии можно на материале

сравнительного анализа совпадающих в собрании М.Федеровского и Любченском сборнике паремий (около 300 единиц), которые имеют структурные различия (почти 58,0 %), выделить виды преобразований, детерминирующих изменения внешней формы пословиц белорусского языка в период с конца XVI – начала XVII веков и до конца XIX – начала XX веков. При этом поскольку старинные белорусские пословицы переведены С.Рысинским на польский литературный язык его эпохи здесь естественно не будут приниматься во внимание безэквивалентные лексические и грамматические единицы белорусского и польского языков. Также не принимаются во внимание различия на фонетическом уровне представления фразы, детерминированные погрешностями при передаче пословиц на письме (что характерно для записей М.Федеровского, который использовал латинский алфавит).

Наиболее частым типом трансформаций структуры пословиц является субституция, которая представлена на сверхсловном, лексическом и лексико-грамматическом и собственно грамматическом (в том числе и синтаксическом) уровнях. Сверхсловная субституция не всегда является двусторонней (сверхсловной конструкцией может замещаться только одна лексема), замена предикативных частей фразы встречается в единичных случаях. Лексическая субституция представлена в основном подстановками не синонимичных слов одной частеречной принадлежности (из числа полнозначных – преимущественно глаголов, реже – существительных и местоимений, а из числа служебных частей речи – только сочинительных союзов). Подстановка синонимичных лексем ограничена контекстуальной синонимией, которая в ряде случаев детерминирована противопоставлением совершенного и несовершенного видов глагола. Лексико-грамматическая субституция представлена прежде всего разными грамматическими формами одних и тех же слов: предложно-падежных форм и форм числа существительных и прилагательных а также временных форм глаголов.

Вставки встречаются только на лексическом уровне (в основном прономинальные и вставки служебных слов). Прономинальные вставки детерминированы необходимостью указания на тот объект или действие, оценка которого дается во второй предикативной части пословицы. Прономинальные вставки в функции служебных слов обусловлены трансформацией паратаксиса в гипотаксис. Вставки служебных лексем представлены в основном сочинительными союзами, уточняющими смысловые отношения предикативных частей пословицы. В единичных случаях встречаются вставки частиц. Вставки полнозначных непрономинальных слов представлены вставками глагола иметь при трансформации пассивной синтаксической конструкции в активную.

Инверсия представлена в основном на присловном уровне преимущественно в составе предикативной группы предложения. Остальные типы трансформаций значительно менее частотны. Элиминация встречается только в единичных случаях, причем в большинстве своем в сочетании с разными видами субституции и инверсии. Парцелляция представлена только одним фактом ее нейтрализации. Случаев "приращения" пословицы за счет ее новых композиционно-структурных частей не зафиксировано.